ДОБРОВОЛЬНАЯ ЗАТВОРНИЦА.

I.

ЗА КРАЙНИМЪ обиліемъ матеріала многіе изъ эпизодовъ, пережитыхъ мною, и многое изъ воочію мною видѣннаго не войдетъ въ тотъ циклъ замѣтокъ, который нашелъ себѣ гостепріимное мѣсто на страницахъ «Историческаго Вѣстника», подъ общей рубрикой «Встрѣчи и знакомства», а потому нѣкоторымъ изъ этихъ мимолетныхъ встрѣчъ я отведу мѣсто въ отдѣлѣ бѣглыхъ замѣтокъ.

Къ числу такихъ «встрѣчъ» принадлежитъ эпизодъ, скорѣе слышанный, нежели видѣнный мною, но за достовѣрность котораго ручаются авторитетныя имена лицъ, еще помнящихъ главныхъ героевъ разсказа.

Рѣчь идетъ о семьѣ Шишковыхъ, родственниковъ и наслѣдниковъ памятнаго въ исторіи Отечественной войны бывшаго министра народнаго просвѣщенія Александра Семеновича Шишкова, перу котораго принадлежатъ всѣ выдающіеся манифесты, опубликованные въ памятное время Отечественной войны.

Съ Шишковыми мою семью связывало очень близкое и тѣсное знакомство, еще скрѣпленное довольно близкимъ родствомъ. У старика-министра, женатаго на полькѣ, былъ родной братъ, нѣкоторое время состоявшій владимірскимъ губернаторомъ—и затѣмъ долгіе годы проживавшій съ довольно многочисленной семьей въ

Зарайскомъ уѣздѣ Рязанской губерніи, въ богатомъ и доходномъ селѣ Ерновѣ, принадлежавшемъ второй женѣ Дмитрія Семеновича, Екатеринѣ Васильевнѣ, женщинѣ до того капризной и сварливой, что она этими отрицательными качествами составила себѣ широкую извѣстность не только среди знакомыхъ, но и среди лицъ, только по наслышкѣ ее знавшихъ.

Это была женщина деспотичная до жестокости, взгляда которой боялась не только вся ея многочисленная дворня, но и вся не менѣе многочисленная семья. Старшія дѣти всячески избѣгали встрѣчи и столкновенія съ матерью, меньшія прямо плакали и дрожали при ея входѣ въ комнату, а кроткій и спокойный супругъ при вспышкахъ ея необузданнаго характера спѣшилъ удалиться и укрыться гдѣ-нибудь въ далекомъ уголкѣ дома, тщательно затыкая уши отъ ея звонкаго и неумолкаемаго крика, а подчасъ и голову осторожно прикрывая руками, такъ какъ у Екатерины Васильевны, когда гнѣвъ ея доходилъ до апогея, недалеко было и до рукопашной расправы съ мужемъ.

О дѣтяхъ и дворнѣ и говорить нечего: и тѣхъ и другихъ она била, какъ говорится, походя, и на неумолимыхъ вѣсахъ ея правосудія всякая вина была виновата.

Распоряжаясь всѣмъ совершенно деспотически и никогда не только не обращаясь къ мужу за совѣтомъ, но и не выслушивая того, что онъ ей отъ времени до времени находилъ нужнымъ замѣтить, Екатерина Васильевна наказывала на конюшнѣ и ссылала въ Сибирь своихъ злополучныхъ вассаловъ такъ просто и свободно, какъ въ настоящее время самому кратковременному аресту никого не подвергаютъ.

Особенно неумолима была она въ двухъ случаяхъ, а именно,— когда задѣто было ея самолюбіе, или ея ревность. Всякое непочтеніе или кажущаяся грубость наказывались, какъ истинное преступленіе, а предметъ случайной ревности Катерины Васильевны чуть не смертному бою подвергался изъ барскихъ рукъ.

Во вниманіе въ этихъ случаяхъ не принималось положительно ничто, и стоило Дмитрію Семеновичу пристально, хотя бы и совершенно машинально, взглянуть на одну изъ горничныхъ, швей или кружевницъ, какъ несчастную тотчасъ же отправляли на деревню и тамъ выдавали замужъ за послѣдняго изъ нищихъ пропойцъ-мужиковъ.

Спасенія отъ ея гнѣва не было никогда и никому, и никакой пощады она не знала!...

Особымъ предметомъ ненависти Катерины Васильевны была старшая дочь, Настасья Дмитріевна, и подобная антипатія являлась тѣмъ болѣе странной и непостижимой, что никто изъ дѣтей такъ не походилъ характеромъ на мать, какъ Настасья Дмитріевна. Тотъ же деспотическій нравъ, та же непреклонная и же-

стокая воля, тѣ же порывы не нависти ко всему и ко всѣмъ!... Впослѣдствіи всѣ эти отрицательныя качества снискали Настасьѣ Дмитріевнѣ Шишковой громкую и плачевную извѣстность, и имѣнія, унаслѣдованныя ею въ пожизненное владѣніе отъ старика-министра Шишкова, постоянно заняты были военнымъ постоемъ, благодаря неустаннымъ крестьянскимъ бунтамъ, вызваннымъ ея управленіемъ. Кончилось дѣло тѣмъ, что изъ ея личнаго владѣнія и управленія имѣнія эти были изъяты по высочайшему повелѣнію и, взятыя въ опеку, ввѣрены были ея меньшей сестрѣ, Прасковьѣ Дмитріевнѣ, по мужу Ушаковой.

Но возвращаюсь къ Екатеринѣ Васильевнѣ, долгіе годы извѣстной въ окрестности подъ нелестнымъ прозвищемъ «Салтычихи».

Въ началѣ сороковыхъ годовъ Катерина Васильевна подъ вліяніемъ особо сильныхъ припадковъ ревности и гнѣва впала въ положительную ярость, и среди мѣстныхъ дворянъ шелъ уже говоръ о томъ, что мужу слѣдовало бы обратиться въ содѣйствію психіатровъ и учредить надъ жестокой помѣщицей опеку, когда въ Ерновѣ случилось совершенно непредвидѣнное и необъяснимое событіе.

Въ числѣ дворовыхъ, къ которымъ жестокая помѣщица относилась особенно враждебно, былъ старый поваръ, помнившій лучшіе годы и иные порядки и никакъ не соглашавшійся подчиняться многимъ безчеловѣчнымъ нововведеніямъ новой помѣщицы. Такъ, онъ возставалъ противъ отрѣзыванья косъ у молодыхъ дѣвушекъ, нарушившихъ законы строгой нравственности, громко порицалъ систему двойного оброка, къ которой прибѣгала помѣщица въ тѣхъ случаяхъ, когда ей предстояли особые расходы, и въ тѣсномъ, лично ему ввѣренномъ районѣ возставалъ противъ той непомѣрной экономіи, которую усердно вводила и практиковала Шишкова вопреки частымъ протестамъ мужа.

До Екатерины Васильевны всѣ эти противозаконные толки доходили и, конечно, увеличивали ожесточеніе ея противъ смѣлаго протестанта. Она неоднократно грозила ему ссылкой и однажды, подъ вліяніемъ особо сильно возбужденнаго гнѣва, порѣшила привести угрозы свои въ исполненіе.

Призванъ былъ приказчикъ, сдѣланы были соотвѣтствующія распоряженія, и старику Ермолаю,—такъ звали повара,—объявлено было, чтобы онъ на слѣдующій день готовился въ путь.

— Въ путь?.. Куда она это? Въ какой путь?—съ недоумѣніемъ освѣдомился онъ.—Старъ ужъ я сталъ для дальнихъ путешествій... Да и не слыхать было, чтобы господа куда-нибудь собирались?

— До господъ тебѣ дѣла нѣтъ!—строго замѣтилъ ему въ отвѣтъ староста.—О тебѣ рѣчь идетъ, а не о господахъ!.. Тебѣ въ путь собираться приказано! И старухѣ своей скажи... пусть тоже собирается. Да, небось, и не долги будутъ ваши сборы, потому что ничего

съ собой вамъ брать не дозволено... Все здѣсь останется... все подъ господъ отобрать приказано!

— Какъ подъ господъ отобрать?.. Не пойму я что-то твоихъ рѣчей!—все сильнѣе и сильнѣе недоумѣвая, проговорилъ старикъ.— Куда жъ это насъ отправляютъ?!..

— Не далече!.. Всего только въ Сибирь на поселеніе!..—съ звѣрскимъ смѣхомъ пояснилъ ему староста.

Старикъ-поваръ поблѣднѣлъ и зашатался.

— Какъ, въ Сибирь?.. За что?.. По чьему приказу?!..

— По чьему же, какъ не по барскому?... Извѣстное дѣло, что отъ себя я тебя ссылать бы не могъ... А за что, ты самъ, небось, лучше меня знаешь!.. За то, что языкъ у тебя не на мѣстѣ повѣшенъ... длиненъ супротивъ всякой мѣрки... и лопочешь ты имъ зря, чего не слѣдуетъ! Вздумалъ господскія дѣла и распоряженія судить!... Выше господъ стать задумалъ. Вотъ тебѣ указано настоящее твое мѣсто, чтобы зналъ ты его отнынѣ и довѣка!... Изъ Сибири-то небось не вернешься!... Не ближній свѣтъ!... Ну, да чего калякать попустому?.. Сказано тебѣ, собирайся... Чтобы къ утру все у тебя готово было! На зарѣ будетъ подъ тебя подвода готова... такъ, чтобы къ полудню въ присутствіе тебя представить, а въ вечеру мнѣ домой обернуться.

Старикъ провелъ рукой по лбу, покрытому холоднымъ потомъ. Ему сномъ казалось все то, что онъ слышалъ... Ему очнуться хотѣлось отъ этого кошмара!

— А дѣти?... А семья моя какъ же?!..

— Всѣхъ съ тобой ссылаетъ барыня... Такая ея есть воля, чтобы твоего вольнаго духа въ усадьбѣ не оставалось и званія!.. Чтобы до конца края тебя и твой родъ отселева изничтожить!...

И староста повернулся, чтобы итти.

Старикъ всталъ во весь ростъ и какъ будто выросъ моментально отъ охватившей его могучей злобы.

— Ну, такъ хорошо же!... Такъ скажи же ты ей, барынѣ своей кровопійцѣ, что не молча пойду я въ Сибирь далекую да холодную... не молча покорюсь я ея волѣ злодѣйской!.. Скажи ей, что заступится за меня Господь праведный, и не увидитъ она свѣта Божьяго такъ же, какъ сама другихъ свѣта лишила!..

— Ну... ну... Ты того... потише! — испуганно замахалъ руками староста, трусливо оглядываясь на дверь и боясь, чтобы кто-нибудь не подслушалъ дерзкихъ рѣчей въ конецъ взбѣшеннаго старика.

Онъ хорошо зналъ ерновскіе порядки. Онъ зналъ, что тотъ, кто слышалъ смѣлыя слова заслуженной хулы, могъ поплатиться за это такъ же строго, какъ и тотъ, кто ихъ произносилъ...

Но стараго повара остановить было уже нельзя. Онъ въ конецъ разошелся.

— Ты на меня руками-то не махай!.. Мнѣ, братъ, теперь ужъ не страшно. Мнѣ ничто не страшно!.. Дальше Сибири меня съ семьею не угонятъ... Хуже тюрьмы да поселенія ничего не придумаютъ!.. А коли ты побоишься ей все передать, такъ я скажу ей все, что надо... смѣло, прямо скажу... раздумывать не стану!... Сказано, нечего мнѣ ужъ теперь бояться!...

И дѣйствительно, выбѣжавъ, какъ безумный, во дворъ, старикъ направился прямо къ тому окну, которое выходило изъ барыниной спальни, и, остановившись передъ нимъ, громко и смѣло крикнулъ:

— Будьте вы прокляты на всю вашу жизнь... Чтобы вамъ свѣта Божьяго не видать... Чтобы заживо васъ могила взяла, какъ сами вы живыхъ людей въ могилу опускаете!...

Его схватили, связали и въ ту же ночь отвезли въ городъ Но слова его, произнесенныя громко и отчетливо, достигли до слуха барыни, и она, по словамъ тѣхъ, кто въ то время былъ въ комнатахъ, молча отошла отъ окна и провела рукой по лбу, какъ будто какую-то тяжкую мысль отъ себя отгоняла. Право ссылки крѣпостныхъ людей въ Сибирь въ тѣ далекія времена принадлежало помѣщикамъ безконтрольно, а въ пользу всѣмъ хорошо извѣстной и неуживчивой Шишковой еще излишнія послабленія дѣлались изъ нежеланія «связываться» съ нею и навлекать на себя ея месть и злобу. Не мудрено, что при такихъ условіяхъ судьба старика Ермолая была быстро рѣшена, и онъ отправленъ былъ сначала въ губернскій острогъ, а затѣмъ этапомъ въ Сибирь.

Заступиться за старика было некому. Дмитрій Семеновичъ за годъ передъ тѣмъ умеръ, а дѣти, хотя и входившія уже въ возрастъ, держались матерью въ полномъ, почти рабскомъ повиновеніи.

Но судьба сама отомстила за стараго слугу, и отомстила выдающимся, для всѣхъ таинственнымъ и непонятнымъ образомъ...

Однажды осенью того же года, въ которомъ сосланъ былъ Ермолай съ семьей, Катерина Васильевна, всегда послѣ ужина принимавшая отчетъ по домашнему хозяйству, за ужиномъ объявила, что съ отчетомъ къ ней являться не нужно и что она «устала»!

— Будетъ!—какъ-то вѣско и многозначительно произнесла она, и, вставъ изъ-за стола, противъ своего обыкновенія, ни на кого не крикнула, никого не обругала, а, наклонивъ голову, тихо произнесла:

— Ну, прощайте!...—и тихо, медленно вышла изъ комнаты, направляясь къ себѣ въ спальню.

Такое непривычное отношеніе удивило всѣхъ присутствовавшихъ, но объясненія на него дать не могъ никто, такъ какъ и любимая горничная Катерины Васильевны, обыкновенно сопровождавшая ее въ спальню и присутствовавшая при ея ночномъ туалетѣ, на этотъ разъ получила приказаніе не слѣдовать за своей госпожой. Всѣ молча переглянулись и разошлись въ обычномъ порядкѣ,

объяснивъ себѣ оригинальную выходку деспотки новымъ капризомъ съ ея стороны.

Горничная ея обошла кругомъ со стороны двора, провѣрила, закрыты ли ставни барыниной спальни, и тогда уже отправилась спать, нѣсколько промедливъ въ ожиданіи, что барыня, быть можетъ, позоветъ ее къ себѣ. Но ожиданіе это не сбылось. Катерина Васильевна не позвала ее ни вечеромъ, ни поздно ночью, ни даже на слѣдующее утро, и когда въ обычный утренній часъ она подошла къ двери, чтобы по обыкновенію постучать въ нее и разбудить барыню, она, къ своему крайнему удивленію, нашла дверь незапертой. Этого никогда не бывало, и Катерина Васильевна, имѣвшая полное основаніе не довѣрять особо усердной охранѣ со стороны своихъ служащихъ, всегда на ночь запирала свою дверь.

Осторожно стукнувъ и не получивъ отвѣта, горничная не рѣшилась войти въ комнату барыни и пошла доложить обо всемъ старшей изъ барышень, Прасковьѣ Дмитріевнѣ.

Та вмѣстѣ съ ней подошла къ комнатѣ матери и, разслышавъ тамъ движеніе, тихонько пріотворила дверь. Катерина Васильевна спала. Она лежала на кровати съ открытыми глазами и, пристально взглянувъ на пришедшихъ, знакомъ показала имъ, что присутствіе ихъ ей непріятно и чтобы они ушли. Горничная робко спросила, не прикажетъ ли барыня подать ей чаю,—послѣдовалъ молчаливый отрицательный отвѣтъ. Горничная сдѣлала движеніе, чтобы выйти изъ комнаты и, остановленная вопросительнымъ взглядомъ барыни, объяснила, что идетъ открыть ставни. Въ отвѣтъ на это послѣдовалъ энергичный жестъ, воспрещавшій такое распоряженіе.

Всѣ движенія были вполнѣ осмысленны, во всемъ сказывалась твердая и попрежнему непреклонная воля, только все происходило въ полномъ и строгомъ молчаніи.

Повинуясь повелительному жесту, и дочь, и горничная вышли изъ комнаты, оставивъ Катерину Васильевну одну. Вновь позвала она звономъ колокольчика горничную только передъ вечеромъ, и на вопросъ, прикажетъ ли она подать ей кушать, получила въ отвѣтъ одно слово: «хлѣба». На предложеніе позвать дочерей и сыновей Катерина Васильевна отвѣчала категорическимъ отказомъ и, начиная съ этого дня, 12 лѣтъ сряду пролежала въ темной комнатѣ, никого, кромѣ старой горничной, къ себѣ не допуская, да и съ той никогда не говоря ни слова.

Въ первое время все ждали, что она стряхнетъ съ себя эту новую причуду, но время шло, а она продолжала упорствовать въ своей неслыханной фантазіи, и въ дѣло пришлось вмѣшаться предводителю дворянства, который за несовершеннолѣтіемъ всѣхъ почти дѣтей принялъ имѣніе Шишковыхъ въ вѣдѣніе дворянской опеки подъ ближайшимъ контролемъ старшаго изъ сыновей, Павла Дмитріевича, впослѣдствіи служившаго въ жандармахъ.

Первые три года Катерина Васильевна не принимала никакой пищи за исключеніемъ чернаго хлѣба, который ей подавался два раза въ день въ довольно ограниченномъ количествѣ, и только по истеченіи трехъ или четырехъ лѣтъ, по ея личному назначенію, ей стали готовить уху изъ живой рыбы и подавать чай съ бѣлымъ хлѣбомъ.

Дѣтей своихъ она попрежнему къ себѣ не допускала, никогда не поинтересовалась ни ихъ образомъ жизни, ни ихъ занятіями, и въ первый разъ допустила къ себѣ въ спальню старшую дочь и меньшаго сына Василія только послѣ 12-лѣтняго затворничества своего, въ тотъ день, когда она пригласила къ себѣ священника и пожелала исповѣдаться и причаститься св. таинъ. Остальныхъ дѣтей она и въ этотъ день къ себѣ не допустила и не выразила никакого желанія ихъ видѣть или узнать о нихъ что-нибудь. Объ имѣніи и о дѣлахъ она тоже ни однимъ словомъ не обмолвилась и не пожелала узнать, какъ и кѣмъ велось управленіе имѣніями за долгое время ея добровольнаго затворничества.

Послѣ св. причастія она велѣла открыть ставни и понемногу, исподоволь стала допускать въ свою комнату остальныхъ членовъ своего семейства.

По настоятельной просьбѣ предводителя дворянства она приняла и его и вела съ нимъ вполнѣ логичный и послѣдовательный разговоръ, ни разу не подавъ повода заподозрѣть въ ней какое-нибудь психическое заболѣваніе. Она обо всемъ говорила здраво, но въ общемъ мало всѣмъ интересовалась, и на осторожный вопросъ о томъ, что побудило ее принять на себя такой обѣтъ затворничества, коротко и неохотно отвѣтила:

— Такъ надо было!

Съ постели она встала одинъ только разъ, когда въ домѣ случился внезапный пожаръ, но тотчасъ по минованіи опасности вновь легла въ той же комнатѣ, и въ ней умерла три года спустя, пробывъ въ своемъ строгомъ и таинственномъ затворѣ всего около 16-ти лѣтъ и унеся съ собою въ могилу тайну этого страннаго, таинственнаго явленія.

Окружающіе суевѣрно приписали это проклятію, которое призвалъ на ея голову сосланный въ Сибирь старый поваръ, но сосланныхъ и неправо загубленныхъ ею людей было такъ много, и столько слезъ и крови было безвинно пролито по ея повелѣнію, что бѣдствіе или проклятіе одной семьи не могло, по всей вѣроятности, такъ тяжело лечь на ея мрачную душу.

Погребена была Катерина Васильевна въ Ерновѣ, и имѣнія ея были переданы во владѣніе ея наслѣдниковъ только послѣ ея смерти; при жизни же ея, несмотря на то, что она лично ни во что не входила и даже никогда ничѣмъ не интересовалась, всѣми дѣлами завѣдывала опека.

Этотъ характерный эпизодъ помнятъ многіе въ Рязанской губерніи, и такъ какъ Катерина Васильевна умерла только въ началѣ 60-хъ годовъ, то есть еще старожилы, которые помнятъ ее лично.

Замѣчательно, что, несмотря на страшно трудный режимъ, которому она подчинила свою жизнь, Катерина Васильевна до смерти сохранила всѣ свои физическія силы и не отличалась ни дряхлостью, ни худобой.

Изъ ея прямого потомства сохранились только дѣти старшей дочери ея, Ушаковой, изъ которыхъ одна была замужемъ за генераломъ Маевскимъ, другая за княземъ Волконскимъ, а третья за Смагинымъ, съ которымъ впослѣдствіи разошлась. Двѣ остальныя дочери Катерины Васильевны, Настасья и Софья Дмитріевны, умерли незамужними, меньшой сынъ Василій, женатый на Сазоновой, умеръ бездѣтнымъ, а самый старшій, Павелъ, женатый на Кушниковой, похоронилъ единственнаго сына своего въ ранней молодости.

Съ нимъ умеръ послѣдній представитель этого достаточно громкаго и извѣстнаго рода. Представители побочныхъ линій существуютъ и понынѣ, по прямой же линіи родственниковъ у старика министра не осталось.

Дѣтей у него не было, и усыновленная имъ и его женой племянница вышла замужъ за графа Рибопьера.

А. И. Соколова.